

Левраль Е. Михайлов

Русская религиозная поэзия 70-х годов х)

Хотя в последние годы русская поэзия в Советском Союзе вновь стала робко обращаться к религиозной тематике, для того, чтобы восстановить подлинный ход развития "посттравматической русской религиозной поэзии", нужно затронуть творчество поэтов новой эмиграции, и в частности, обратить внимание на последнюю книгу стихов Иосифа Бродского "Часть речи". В этой небольшой книжке можно найти два стихотворения, мастерски написанных, пронизанных подлинным религиозным чувством — таких стихов не писали на русском языке с 1957 года. Оба стихотворения Бродский создал в 1972 году, когда еще жил на родине. Первое называется "24 декабря 1971 года". В нем последовательно описывается атмосфера столпотворения, грубый торгашеский дух последних предпразднственных покупок, ненадолго вспыхнувший дух добродетельства друг по отношению к другу людей, связанных предпраздничной суматохой и, наконец, то, что можно менее всего ожидать в атеистической стране, — совершенно неожиданное появление в небе рождественской звезды и чистое ощущение внутреннего присутствия младенца Христа и Святого Духа. В сложном метафорическом сопоставлении Библии и день Рождества и современной советской столицы, предпраздничные покупатели становятся волхвами и их караваном верблюдов, а вместо золота, ладана и мирры в руках у них бутылки с водкой, словно ветви, треска, мандарины, корица, яблоки. Эти "приносящие дары" не клут ничего, кроме пустоты в своих праздничных жилищах, но когда они приходят туда, их встречает странный "свет нигде". Чудесный свет исходит из области, лежащей вне пределов социального плана; о нем и не подозревают власть предержащие. "Если бы знал Ирод: чем ужаснее власть его, тем неизбежнее, тем несомненное это чудо

Постоянство такого родства —
Основной механизм Рождества.

Кто грядет — никому непонятно:
Мы же знаем примет, и сердца
Могут вдруг не признать прилеца.

И тут из густой ночной мглы выколет фигура, закутанная
парфюм /возможно, какая-нибудь старуха верующая/ — она несет
в себе Сына и Дух Святой.

Но когда на первом сквозняке
Из тумана ночного, туслого
Возникает фигура в плаще,
И младенца, и Духа Святого
Ощущаешь себя без стыда;
Смотришь в небо и видишь — звезда.

Появление звезды показывает, что от "Рождественской
звезды" Пастернака до "24 декабря 1971 года" русская поэзия
завершила еще один круг своего развития. Периодическим воз-
вращением подобного света мощно подчеркивается постоянная тя-
га к нему как поэзии, так и человеческой жизни.

Серьезность подобного же события для душевного покоя
св.Симеона, пророкини Анны и, разумеется, для каждого чело-
века — тема другого стихотворения Бродского "Сретенье". В
основе его лежит евангельский рассказ, где говорится об обра-
де очищения младенца Иисуса в Иерусалимском храме и об осу-
ществлении мечты Симеона, человека уже предельного возраста,
"праведного и благочестивого" увидеть перед смертью Христа.
Благодарная речь Симеона с младенцем Христом на руках явля-
ется содержанием почти универсального христианского гимна

— "Имя отпущаши": "Господи, позволь, теперь
рабу твоему отойти с миром". Этот евангельский эпизод отме-
чается церковью, как праздник Сретенья 6 /19 по старому сти-
лю/ февраля и является одним из основных праздников Право-
славной Церкви, а само событие изображено на отдельной иконе
праздничного чина, которая имеется в любом русском храме.
Вот как выглядит встреча старца с Христом и песня Симеона в
трактатке Бродского:

А было повелено старцу сему
О том, что увидит смертную тьму.
Но прежде, чем Сима увидит Господня.
Свершилось. И старец промолвил:
"Сегодня — Реченное некогда слово храня
Ты с миром, Господь, отпускаешь меня.
Затем что глаза мои видели это,
Дитя: Он — твоё продолженье и света,
Источник для аполов, чтящих племен,
И слава Израеля в нем.

В конце стихотворения Симеон с развевающимися волосами выходит из храма и ищет "дорогой смерти", и в душе у него складывается образ Младенца "как лампада во мраке, где никто до сего дня не мог осветить свой собственный путь. Лампада горит, и дорога становится все шире".

Он шел по пространству лиственному тверди,
Он слышал, что время утратило звук.
И образ младенца с сияньем вокруг
Луныстой смертной тропы
Луна Симеона несла пред собой,
Как некий светильник в вечернюю тьму
В которой до того еще никому
Дорогу себе озарять не случалось.

Рождественская звезда Бродского и свет, что велит умиротворенного Симеона по дороге от жизни к смерти, в русской религиозной поэзии можно сравнить поистине с богоявлением. Здесь, как и в хиватонском цикле Пастернака, религиозная и поэтическая сферы сливаются, и возникает "образное единство элементов опыта и ответной веры в реальность превышающую, и, возможно, освещающую опыт". Метафорическое возрождение Бродским величия тем христианства "еще раз являет собой истинное служение поэзии и религии, к какому может привести их союз". Преемственность великой русской религиозной поэзии теперь восстановлена. Стихи Бродского "24 декабря 1971 года" и "Среда" позволяют внести его имя в ряд имен русских поэтов, посвящавших этой теме выдающиеся произведения.

Влияние традиционной русской религиозности можно слу-

тить и в творчестве "официальных" поэтов 70-х годов /этот вопрос мы уже обсуждали раньше/, таких, как Агулин, Солоухин, Винокуров, Вознесенский. В творчестве Бродского, теперь эмигранта, это влияние достигло своего расцвета. И хотя такая тенденция принесла, видимо, немного плодов, воздействие ее заметно и в современном русском неофициальном искусстве. Можно не принимать во внимание огромное количество стихов, появлявшихся в самиздате, в которых вместо истинной религиозности и настоящей поэзии есть лишь бездарные вирши и вызов официальной культуре.

Один из наиболее заметных и талантливых деятелей культурной жизни Ленинграда, по сих пор не получивший заслуженного признания ни в Советском Союзе, ни за рубежом — молодой поэт Аркадий Драгомощенко. Он писал — и мне кажется, достаточно глубоко — об издержках, ловушках наивности, нетерпеливости в современных религиозных исканиях, имеющих целью найти панацею от духовных болезней в стране. В книге миниатюрных эссе "Тень Черепахи" поэт так характеризует новые религиозные веяния:

"Конец пятидесятых и начало семидесятых годов характеризуется в большей или в меньшей степени массовым обращением к религии. С одной стороны это явление можно просто объяснить наблюдателями: в первую очередь подчеркивается стремление к ценностям, произвольным не в сфере политико-экономической, а к ценностям духовным, вневременным, нетленным, с последующим выходом из контролируемых государством областей. Все это так.

Но с неизмеримой быстротой за несколько десятков лет, отмеченные печатью доступности, сменили друг друга, почти уживаясь вместе, различные практики. Православие, Буддизм, Дзен, Хасидизм; различные точки постижения...

Напоминает это черный рынок, на котором торгуют книгами — та же нестрога и одна цена всему — очень подорожала.

И во всей головокружительной сумятице религиозных доктрин, течений, школ, практик, среди вновь обживающего антуража и нетерпимости, случается трудно отыскать пресловутое зерно веры. Она подменяется обиходным доверием. Доверием к тому, что после затраты какого-то времени и усилий, после освоения в некоторой степени ритуальной стороны, каруются не

"ключи власти", которая поможет справиться со смятением и страхом уже не силой осведомленности, но как бы благодаря превышающим ее иным принципам. Обращение к религии, как к магии, подобно тому, как если, к слову, к поэзии мы обращались бы за советом по части сервировки стола, признаний в любви или спорт-лотто."

Драгомоценко сейчас 35 лет. В стихотворении "Дом в нишине", написанном в 1975 году, он говорит о себе, как о поэте, лишенном известности и не имеющем никакой надежды получить признание в будущем:

На тридцатом году своей жизни,
Став ночным сторожом,
Сидя на ступеньках крыльца,
Обратя лицо в сторону солнца,
Я наблюдал как собираются птицы
к отлету,

Как ходят кругами они
Над местом, где сидел я,
Не отвлекая от захопящего солнца,
Меланхолический, длинный,
На тридцатом году своей жизни.

Драгомоценко не верит, что поверхностно усвоенная религия способна решить проблемы как личности, так и общества в целом, проблемы культуры. Не верит он и в те уроки и предписания, которые можно получить, будучи слепо приверженным искусству. И все же он продолжает писать все более вызывающие стихи и прозу и искать выход своим усамиям, используя более или менее официальные каналы. Религиозность, как таковая, не является основной чертой поэтической палитры Драгомоценко. Он никогда не пытался писать стихи, пронизанные религиозностью в духе Пастернака или Бродского. И все же у него есть одно в высшей степени простое стихотворение, написанное в 1975 году, в которое не только мастерски вложены цитаты из литургического словаря, но воссоздан дух христианского милосердия в мире, доведенном до крайней степени нищеты. Стихотворение описывает кладбище, вероятно, в Ленинграде, кладбище, где еще стоит "действующая" церковь, и где поэт встречает нищего.

Нищий на кладбище
 Долго жевал губами,
 Медленно катилась монета
 Из moist мокрой ладони
 В его дырявую шапку.
 "Благослови вас Господь." —
 Сказал наконец он,
 Опустив плащивую голову,
 И тяжело зашпал.

Ключевая деталь стихотворения — "плащивая" голова нищего. Чтобы понять важность этой детали следует привлечь поэтический словарь Драгомощенко в целом. Эпитет "плащивый" поэт применяет также и к себе. Здесь он становится символом осознания поэтом своего возраста, крушения своих амбиций, собственной смертности. Указание на плешь нищего говорит о том, что поэт может оказаться на его месте, что, возможно, у него с нищим одна и та же судьба. Он словно говорит себе: "Туда, несмотря на милосердие Божие, ухожу и я", и проявляет сострадание брату во "плащивости", нищету. Своим творчеством Драгомощенко показал, что стихотворение может считаться и быть религиозным и без насыщения его библейскими и церковными безделушками. Это действительно простое стихотворение опирается лишь на одну единственную строку литургического текста, — вплетенную в ткань глубоко прочувствованного внешнего переживания, и благодаря этому возникает поэтическая притча, обладающая колоссальной силой.

Оценивать поэзию по ее отношению к религиозным мотивам вовсе необязательно, да и не желательно. В 1921 году Т.С. Элиот в своем известном эссе писал: "Поэт не должен непременно интересоваться философией, да и другими материями тоже /включая и религию — Д.М./". Скажу лишь одно: видимо, поэты современной цивилизации должны быть е л о з и м и н и. Наша цивилизация включает в себя огромное количество разнородных и сложных элементов, и воздействие этих элементов на сознание, обладающее тонким восприятием, должно давать разнообразные и сложные результаты. Поэт должен обладать огромной способностью к всестороннему охвату мира, должен больше стремиться говорить инсказательно, намеками, должен заста-

лять язык, прибегая, если необходимо, к некоторым сдвигам смысла, выразить то, что поэт намерен сказать". Современники, в соответствии с терминами "трудный", многосторонний или сложный, можно назвать таких русских поэтов наших дней, как Бродский, Вознесенский, Ахматулина. Однако, Т.С.Элиот употребил эти термины в статье "Метафизические поэты", посвященной поэтам 17 века, к которым он чувствовал большую близость и как критик, и как художник. Он продолжал утверждать, что метафизический элемент в поэзии Джона Донна, Джорджа Герберта, Виктора Кинга и Эдмунда Маршала /и некоторых других/ является неотъемлемой частью их очарования и причиной долголетия. "Мысль для Донна, — писал он, — была переживанием, она влияла на его восприимчивость. Когда сознание поэта готово для работы, оно начинает непрерывно соединять множество разнородных переживаний. Переживания обычного человека хаотичны, нерегулярны, фрагментарны. Он может влюбиться или читать Библию, и эти два состояния его сознания никак не соотносятся друг с другом или со стуком пишущей машинки или с запахом кухни. В сознании поэта эти переживания постоянно формируют все новые единства".

Т.С.Элиот считал большим несчастьем, когда блестящий стилист достигает успеха, оставаясь поразительно равнодушным к своей душе. Он полагал, что поэту недостаточно "заглянуть в себя в сердце и писать". По его словам "такой взгляд не проникает достаточно глубоко. Разини или Донн смотрели гораздо дальше сердца. Необходимо заглядывать под кору головного мозга, всматриваться в нервную систему и в органы пищеварительного тракта". Иначе говоря, поэту полезно обладать кроме чувства языка даром сильных переживаний, эрудицией, глубоким умом и, возможно, твердыми убеждениями. Приведу еще одну цитату Т.С.Элиота: "Философия, присутствующая в поэзии, утверждает себя тем, что с одной стороны не имеет значения, истинна она или ложна, а с другой стороны истинность ее не требует доказательств. Поэты, о которых идет речь /т.е. английские метафизические поэты 17 века и, можно добавить, поэты, подобные Бродскому и Драгомищенке — Д.М./ имеют, как и всякие поэты, различные недостатки. Но в лучшем случае они пытались найти языковые эквиваленты состояниям сознания и

и чувства. А это означает, что они обладают большей зрелостью и выглядят лучше, чем другие поэты с немалым литературным дарованием".

Стихи русских поэтов с религиозной тематикой, опубликованные в последнее время различны по способности называться с т и х а м и. Более того, они демонстрируют большое разнообразие способов, которыми религиозные мотивы вплетаются во внешнюю ткань стиха. Иногда религиозные образы и цитаты из религиозных текстов используются, видимо, как метафорический материал для поэтических утверждений об отношении поэта или человека вообще к природе, к другим людям, к своей судьбе — /Бродский, Драгомощенко/ или для того, чтобы тонко завуалировать звонок воззрения на политическую власть /Бродский/. Порой, задача поэта более ценовая, более близкая речи верующего /Пастернак, Бродский, Драгомощенко/. Мало найдется примеров, хотя это, конечно, вопрос вкуса и личного суждения, когда стихи достигают большего, чем изданное поэтическое толкование религиозных событий, заповедей, пророчеств. И если это происходит, поэзия вторгается в область откровения, подобно тому, что можно найти в самой Библии, например, в псалмах Давида или в притчах Христа, пересказанных нам евангелистами, область, где почти чудодейственным слиянием мысли и выразительности постигается некая высшая истина. Мне, как последователю, кажется, что после "Стихов Бриа Ливаго" Пастернака, такой удаче достигли Бродский в стихотворениях "24 декабря 1971 года" и "Сретенье" и Драгомощенко в стихотворении "Ничий на кладбище". Чрезвычайно любопытно проследить, какие события произойдут в развитии стихотворений религии и поэзии в России в 80-е годы.

oooooooooooo